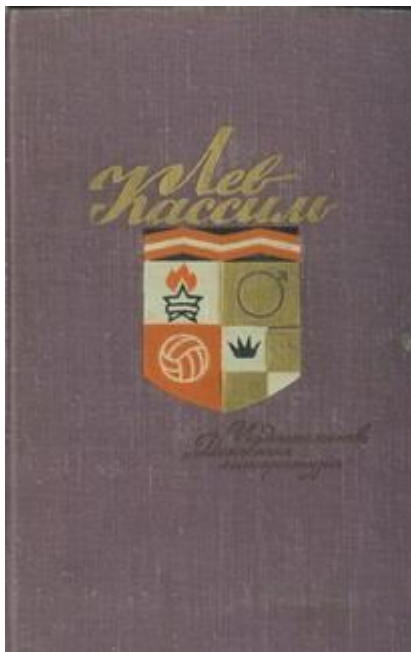
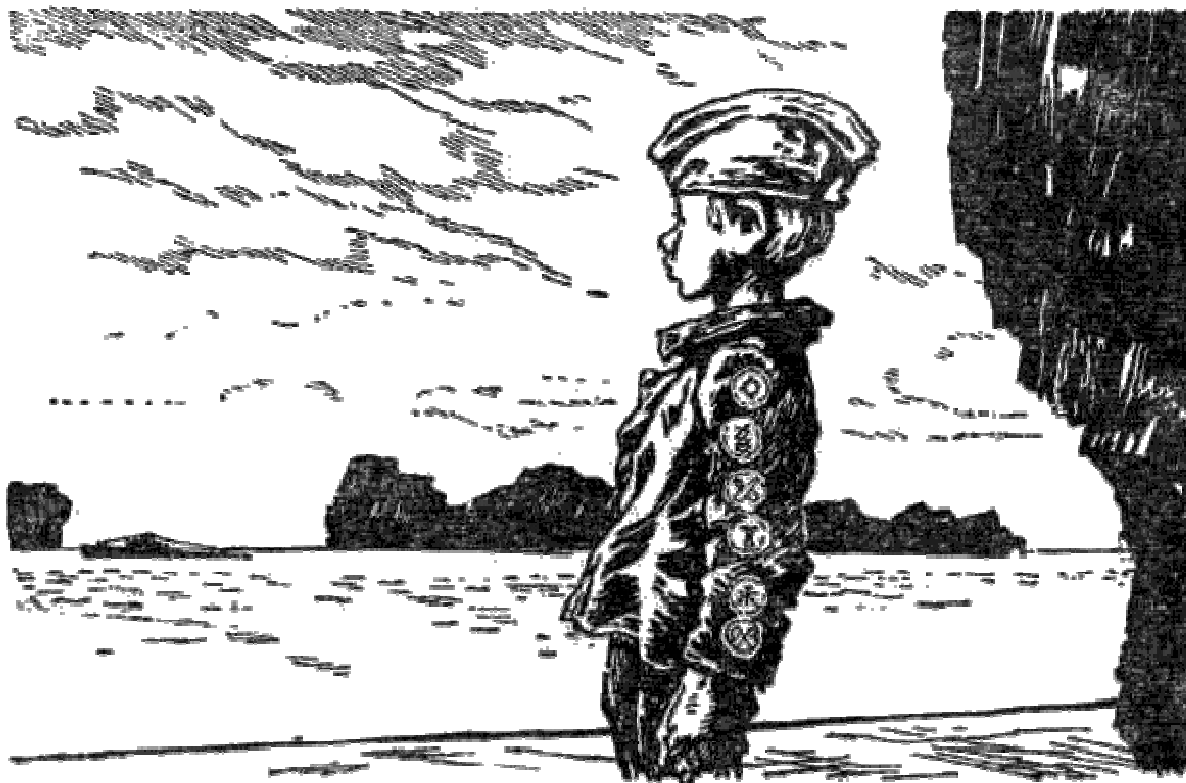

Лев Абрамович Кассиль Федя из Подплава

*Славной памяти адмирала
Арсения Григорьевича ГОЛОВКО,
командовавшего в годы
Великой Отечественной войны
нашим Северным флотом*

Он знал уже почти десять букв, когда я военной осенью приехал впервые на одну из заполярных баз Северного флота. Десять букв! Этого было вполне достаточно, чтобы

запечатлеть свое имя на торпедe – в назидание Гитлеру и всем фашистам. За этим занятием я и застал его позади плетня из колючей проволоки, огораживающего базу подводных лодок. Когда я, предъявив часовому свой пропуск, вошел во дворик подплава, как моряки называют сокращенно флот подводного плавания, подводники как раз грузили торпеды¹ на большую крейсерскую лодку. Длинное темно-зеленое щучье тело подводного корабля вытянулось на воде у причальной стенки, у так называемого пирса. Над пирсом нависала огромная скала. В ней были проделаны входы в подземные пещеры, где хранились торпеды. Краснофлотцы в рабочих холщовых робах клали громадную торпеду на специальную тележку и вывозили из пещеры. Сперва в сумраке каменного логова появлялась округлая голова торпеды, а затем, опираясь на низкие колеса, как на лапы, выползала она вся целиком, похожая на исполинского тритона, узкая к хвосту, тяжелая, гладкая, зло поблескивающая на солнце. На нее наводили жирный слой смазки, напоминающий по виду ягодное варенье или джем.

Около торпеды вертелся мальчишка лет восьми, худенький, с острым носиком, красный кончик которого был, пожалуй, ближе к безбровому лбу, чем к верхней губе. На мальчишке была большая, явно не по голове, черная пилотка с блестящим якорем спереди, а на рукавах запачканной курточки красовались одна над другой нашивки минера, связиста, артиллериста, комендора, электрика и сигнальщика. Красные стрелы, пересекающиеся молнии, якоря, гаечные ключи, пушки, выпелы... Нашивок было так много, что они едва умещались между плечом и потрепанным обшлагом, из которого вылезала худая, грязная рука мальчика. Мальчуган деловито оглядывал вывезенную торпеду, обходил ее со всех сторон, затем садился перед ней на корточки и, шмыгая от усердия вздернутым носом, старательно выводил что-то пальцем на смазке, покрывавшей торпеду. Я подошел ближе. Сквозь розовато-коричневую пасту тускло поблескивала металлом протертая пальцем надпись: «АТ ФЭДН». Косая перекадинка у буквы «И» была наклонена не в ту сторону, куда следует, буква поэтому выглядела, как знак номера – №, я догадался, что «Э» получилось у мальчика тоже нечаянно.

– Ну, Федя, – спросил я, – чем это ты, брат, занимаешься?

– Расписываюсь, – отвечал Федя, искоса взглянув на меня и подправляя пальцем сделанную им надпись.

– Это зачем же?

– Пускай видят от кого, – сердито произнес мальчишка. – Они уж мой почерк знают. Я каждый раз расписываюсь.

– А кто же ты такой будешь?

– Я? – как будто удивившись, спросил мальчик и, еще выше подтянул нос, посмотрел на меня снизу без всякого одобрения. – Я тут один-единственный у них мальчишка...

¹ *Торпеда* – самодвижущаяся мина, подводный снаряд большой взрывной силы. Торпедами вооружены миноносцы, подводные лодки, торпедные катера, а также более крупные корабли.

– ...Фашисты, дьяволы, в море их застукали.

– У кого у них? Чей единственный?

– Ну, у всех... Флотский. Я отсюда, с подплаву. Не знаете, что ли? – И он отошел от меня к другой торпеде, которую в эту минуту выкатывали на тележке из-под скалы.

Один из краснофлотцев-подводников, подхватив свободной рукой Федю под мышки, не останавливаясь, посадил его верхом на торпеду, и так он прогарцевал мимо меня, плотно обхватив ногами круглое и толстое тело огромного смертоносного снаряда.

– Расступись, народ, царь Федор на коне едет! – крикнул с мостика подлодки, вылезая из люка, человек в промасленной форменке, должно быть механик. – Ну как, Федя, приложил руку?

– Порядок! – отвечал Федя.

– Это что, сынишка кого-нибудь из ваших? – обратился я к краснофлотцу, который назвал Федю царем Федором.

– Да нет, тут целая такая история, – отвечал вполголоса подводник. – Это Федюшка Толбеин. Наш, с подплаву... У него отец боцман был, из поморов, на восемнадцатом номере, на буксире. А когда в прошлом году семьи эвакуировали отсюда морем, фашисты, дьяволы, в море их застукали. Налетело штук пять и давай долбить. Там женщины, ребята... страшное дело! Прямо с бредущего. Видели ясно, что народ не военный, а так и не отстали, пока не dokonчили. Покуда с берега подоспели, уже мало кто на плаву держался. И отец его, и мать

Федьки этого, и сестренка тоже была – все погибли. А ему повезло: буюк якорный² бомбой отхватило, он за него и уцепился. Единственный, кто спасся... Ну, доставили его на базу. А тут его Дуся приютила, что в кают-компании³ подает, – знаете, официантка? Так он тут и остался, на подплаве у нас. Единственный в своем роде, так сказать. У нас ведь тут ни в заливе, ни в одной губе детей не сыщешь – всю ребятню эвакуировали, как война началась. Ну, а уж Федька, так вышло, осел, видно, надолго. Да и нам, знаете, все-таки веселее глядеть, а то забыли уж прямо, какие ребята бывают. Ведь один-единственный...

Так я узнал историю Феди Толбеина, общего сына подводников, воспитанника и любимца североморцев. Его очень баловали на подплаве. Знаменитейшие подводники, Герои Советского Союза – сам прославленный Звездин, напористый Сухарьков, неугомонный Фальковский, – дарили его своей дружбой. И, когда лодка уходила в боевую операцию, Федька всегда провожал своих друзей, стоя на пирсе, и долго глядел вслед ушедшим.

У моряков Северного флота был обычай делать надписи на смазке торпед. «Гитлеру под микитки», – писали подводники на торпедах. «Фашистским гадам от североморцев», – выводили они на грозных своих снарядах, заряжая торпедные аппараты. «За Киев, за Севастополь...» Как-то Федька напросился, чтобы и ему разрешили сделать надпись. Он знал несколько букв и как умел вывел на торпедке свое имя. И вышло так, что Герой Советского Союза Исаак Аркадьевич Фальковский этой самой торпедой, которую надписал Федька, потопил большой немецкий пароход. Фальковский шел на маленькой лодке – их на флоте называют «малютками». Неприятельские миноносцы охраняли корабль с ценным грузом. Но «малютка» смело проскочила под кораблями охранения, и торпеда с надписью «АТ ФЭДН» угодила прямехонько в фашистский пароход. Он взорвался, зарылся носом в воду и вскоре пошел на дно. С тех пор вошло в моду брать в поход торпеды с Фединой надписью. Моряки шутливо уверяли, что у Феди легкая рука и он приносит счастье подводникам.

Федька целые дни торчал на подплаве. Он играл в классы, вычерчивая их мелом на толстых досках пирса, и, когда кто-нибудь неосторожно ступал в клетку, Федька сердито кричал:

– Ну, где ходишь? Не видишь – тут заминировано! Обозначено ясно.

Фальковский подарил ему оставленный кем-то из эвакуированных трехколесный велосипед. По возрасту Федьке полагалось бы ездить уже на двухколесном. Но лишние спицы в колеснице мало смущали Федьку. И, чтобы не задеть руля, широко расставив коленки в продранных чулках, Федька раскатывал на своем трехколесном велосипедике по пирсу, лавируя между кнехтами⁴ для причала, торпедами, бочками.

Однажды он даже ухитрился съехать по крутому узкому трапу на стоявшую у стенки крейсерскую подводную лодку Звездина. Но получил за это такой нагоняй, что потом два дня ходил пешком, боясь показаться на велосипеде у подводников.

– Ах ты, Федя, Федя! – говорил ему Фальковский, с которым они особенно сдружились. – И что из тебя будет, Федя? Темно и непонятно! Если ты себе голову нигде не оторвешь, то она тебе пригодится в хозяйстве... Но ты ее оторвешь себе.

Кто-то подарил Федьке старую пилотку подводника. Хотя ее и ушили сзади, все-таки она была велика Федьке, оттопыривала ему уши и стояла за затылком, как петушинный гребень. Подводники, минеры, электрики, сигнальщики покупали ему форменные нарукавные нашивки во флотторге, и вскоре Федька стал похож на чемодан бывалого

² Буй, буюк – плавучий знак, показывающий на воде место, под которым лежит якорь на дне.

³ Кают-компания – командирская столовая на корабле. Так же называют ее и на береговой базе флота.

⁴ Кнехт – металлическая или деревянная тумба, на которую набрасывают петлю причального троса – каната.

путешественника, который облепили со всех сторон наклейки гостиниц.

Однажды приехали разведчики с Рыбачьего полуострова, из далекого моря на самом краю света. Давно они не бывали на Большой земле. Обступив Федьку, они с веселым и нежным изумлением оглядывали его.

– Смотри, нормальный дитенок! Точно! – сказал один из них, человек огромного роста. Сквозь расстегнутый воротник его пехотной гимнастерки видна была матросская тельняшка. – Точно! Жизнь, значит, идет своим курсом, пацаны на велосипедах ездят. Порядок!... Жми, жми, браток, качай педали!

И он подарил Федьке трофейный перочинный ножик.

На другой день Фальковский встретил Федьку недалеко от подплава. Федька шел в гости к разведчикам, которые остановились в доме у начальника порта. Увидев своего друга, Федька быстро застегнул курточку. Это показалось подозрительным Фальковскому.

– А ну-ка, ну-ка, что ты там хоронишь?

Федька старательно закашлялся.

– Простыл вчера, Исаак Аркадьевич.

– Простыл? А ну-ка расстегнись, давай сюда твою простуду, дай-ка я тебя послушаю.

– Да так ничего не слышать, Исаак Аркадьевич, а только очень горло корябает, и прямо кашляешь, кашляешь – даже больно.

– Ну, если не слышать, то, может быть, видать что-нибудь, а? – настаивал Фальковский. И, отведя руки Федьки в стороны, расстегнул курточку. – Это кто тебе тельняшку сообразил?... Да погоди, это же у тебя прямо на коже!... Ой, Федя, Федя! Я же от тебя получу разрыв сердца раньше времени.

– Не щекотитесь, у вас руки холодные, и так я весь простыл, – проворчал сконфуженный Федька, запахивая курточку, под которой вся кожа на груди была расписана химическим карандашом в синюю полоску, чтобы людям казалось, будто Федька носит матросскую тельняшку.

Фальковский обещал никому не говорить об этом происшествии. Уведя Федьку к себе, он с трудом горячей водой отмыл его. При этом он сперва чуть не ошпарил Федьку, напустив кипятку в корыто, а потом, перепугавшись, когда малый заорал благим матом, с размаху посадил его в кадку с ледяной водой... Но дружба знаменитого подводника с Федькой после этого еще более укрепилась.

Вскоре Фальковский ушел в опасный поход на своей «малютке». Федька расписался на двух его торпедах. Через несколько дней на базе были получены о Фальковском недобрые сведения. Федька подслушал, как Звездин тихо говорил Сухарькову:

– Слышал, Валентин? Фашисты Фальковского обнаружили. Он там кого-то подколол, а теперь они за ним гоняются, глушат его...

– Может, отлежится на дне? – тихо проговорил Сухарьков.

– Ну да, отлежится! Исаака не знаешь! Это же такая горячка – непременно рискнет. Да и сколько можно ему отлеживаться? Он уже и так время просрочил. Все, наверно, у него к концу подошло.

– А что – значит, опасно ему? – не выдержал и вмешался в разговор Федька.

– Что – опасно? Ничего не опасно! Услышал звон – и уже «опасно»... Садись-ка, брат, лучше на свой трехколесник и катай себе.

Но Федька не сел на велосипед. Он взобрался на высокую причальную тумбу и долго сидел на ней, смотрел на бухту, в которой стояли миноносцы, сторожевые суда, катера-охотники. Все были тут, все на месте. Только Фальковского не было, и пустовал бон⁵ в котором обычно стояла его «малютка». Холодная зеленоватая вода плескалась там между сваями, словно всхлипывая. Противными голосами мяукали чайки, боком летя по ветру. Федька сполз с кнехта и, понуро глядя в неуютное море, побрел с базы, ведя одной рукой

⁵ Бон – плавучее ограждение, в котором стоят суда.

свой велосипедик, педали которого качались впустую, без толку.

Вечером Федька не стал есть пончики, которые принесла ему из салона командирской кают-компания Дуся. Он потом рассказывал мне, что долго не мог заснуть, все думал о Фальковском. Страшно, должно быть, когда вокруг тебя вода и над головой все вода и вода. И рядом рвутся страшные глубинные бомбы. Вот-вот попадет, вот-вот сомнет, расплющит... Намучившись, Федька заснул. Под утро Федьке стало холодно, и от этого ему приснилось, что он лежит в холодной воде на самом дне, и уши у него стали как жабры, и он дышит ими, впуская воду в одно ухо и выпуская из другого. А сверху вдруг нырнула и пошла, булькая, прямо на него глубинная бомба, и вот как рванет... Федька проснулся от гулкого удара за окном. За ним последовал второй. Федька вскочил и увидел легкий дымок, еще вившийся у пушки на подводной лодке, которая, подняв позывные⁶, в эту минуту быстро входила в гавань. Федька сразу узнал «малютку» Фальковского – никто, кроме него, не врывался на таком ходу в узкую горловину залива. А два залпа, которые дал, входя в гавань, Фальковский, означали, что лодка возвращается с победой: два фашистских корабля пущены на дно.

Федька выскочил на набережную. Подводники бежали к пирсу. Обгоняя их, задевая за локти, получая ободрительные подзатыльники, изо всех сил нажимая на педали, мчался Федька к причалу на своем велосипеде. Он едва не сшиб с ног огромного моряка Милехина, старшего кока столовой подплава. Кок бежал, сдвинув белый колпак на затылок, в белоснежном переднике. Отдуваясь, он бормотал:

– Это же прямо чистое наказание! Не напасешься на них!...

А подводники, обгонявшие его, кричали:

– Плакали твои поросятки, Милехин! Слышал? Фальковский два залпа грохнул – значит, жарь двух поросят. Точно? Ничего не поделаешь, уж как водится! Закон! Порядок!...

Федька подоспел в тот самый момент, когда с лодки бросили причальные концы и Фальковский, щуря опухшие, красные от усталости глаза, соскочил на доски причала. Нет, Федька не кинулся к своему другу – Федька знал морские порядки. Он терпеливо стоял в стороне, радостно тараща глаза на Фальковского, который, приложив руку к фуражке, докладывал контр-адмиралу, начальнику подплава, о законченной операции.

– Потоплены два неприятельских транспорта. Один порядка восьми тысяч тонн, другой, полагаю, тысяч на шесть, – рапортовал Фальковский. – Затем я подвергся атаке двух миноносцев. Всего было сброшено двести восемьдесят две глубинные бомбы. Ушел. Задание выполнено. Люди здоровы. Имеются незначительные повреждения.

Тут только Федька заметил страшные следы, которые остались на лодке от близких разрывов глубинных бомб. На железной палубе все было покорежено, вмято, погнуто. А кое-где на обшивке даже зияли разошедшиеся швы.

Официальная часть встречи закончилась. Довольный контр-адмирал закурил, не забыв предложить папиросу вернувшемуся герою, и вопросы, которые задавал теперь начальник, переходили уже в обычный дружеский разговор.

Звездин и Сухарьков поочередно обнимали Фальковского и, довольные, хлопали его по кожаной спине.

– Сколько же всего торпед выпустили? – спросил контр-адмирал.

– Всего-навсего три, товарищ контр-адмирал. Две из носовых, одну с кормы. Попали в цель кормовая и одна из носовых.

– Мои? – спросил из-под чьего-то локтя пробравшийся вперед Федька.

– Точно! – засмеялся Фальковский. – Обе «АТ ФЭДН».

Дня через два после того на базу налетели немецкие бомбардировщики. Корабли подняли на мачтах клетчатый, желтый в шашках, флаг – «твердо». Это был сигнал тревоги. В порту коротко пролаяла сирена. Все бросились на свои места. Ударили зенитки с

⁶ *Позывные корабля* – сочетание флагов или букв, по которым узнают, а также вызывают корабль.

миноносцев, сторожевых кораблей, били пушки с подлодок. Катера и буксиры, спешно отваливая по правилам тревоги от стенки, выплывая к середине залива, также били на всем ходу по самолетам из крупнокалиберных пулеметов и автоматических пушек. Ударил из своего главного калибра миноносец «Громокипящий». Эхо выстрелов раскатилось по заливу, отдаваясь в скалах. В домах на набережной посыпались стекла, лопнувшие от невероятной силы звука. Второй раз ударил из главного калибра «Громокипящий», и передовой немецкий бомбардировщик, волоча за собой космы дыма, повернул в сторону, выбросил длинное пламя, качнулся и, неуклюже вертясь, стал падать за ближайшую сопку. Чуть-чуть в стороне от него выхлопнул и распустился в небе белый цветок парашюта. Он медленно опустился и исчез за скалами.

– У Тойва-губы сел, – определил Звездин, вместе с нами следивший за воздушным боем. – Как бы не ушел фашист, его потом в сопках не найдешь. А до фронта тут рукой подать, ищи-свищи.

– Минутку! – сказал вдруг Фальковский. – А где наш Федька? Где Федька, я спрашиваю? Он же там, как раз у Тойва-губы, ягоды собирает, чтоб ему...

Действительно, Федька теперь по полдня пропадал на сопках, где в этом году было необыкновенно много черники, голубики, брусники и морошки. Он приходил с фиолетовыми губами, синезубый и показывал нам такой язык, будто он им только что вылизывал чернилу.

– Федька там, вы понимаете или не понимаете?! – закричал на нас Фальковский.

И мы стали карабкаться на сопку, чтобы скорее добраться до Тойва-губы, чтобы изловить немецкого парашютиста, чтобы защитить нашего Федьку. Краснофлотцы оцепили район, куда ветер отнес парашютиста. Мы шли, прыгая со скалы на скалу, осматривая расщелины, обходя небольшие озера, заглядывая под каждый валун. Нигде не было парашютиста, вместе с ним исчез и наш Федька. Потом до нас докатился звук выстрела. А вскоре за сопками снова ахнуло... И опять стало тихо.

Больше всех волновался Фальковский. Он считал Федьку уже погибшим, слал проклятия на головы фашистов.

Спокойный, рассудительный Звездин тщетно пытался успокоить его.

На поиски парашютиста вылетел с аэродрома летчик Свистнев. Он кружил над сопками, несколько раз низко прошел над нами, разглядывая местность. Вдруг самолет круто повернул обратно и стал описывать круги над небольшим ущельем между двумя высокими скалистыми утесами. Летчик, высунувшись из кабины, махая нам рукой, указывал куда-то вниз. Срываясь с камней, перескакивая через ручьи, помчались мы туда. Через минуту мы были на краю скалы. И там, внизу, на темном сыром мху, мы увидели выложенное из белых камней, ярко выделяющееся огромное «ФЭДР». Бедняга! Он, должно быть, очень волновался и спешил, выкладывая здесь из камней свое имя, и даже букву «Я», которую обычно писал правильно, здесь повернул в другую сторону, как латинское «R». И тут мы уже увидели самого Федьку, он сидел, притаившись под нависшей скалой. Увидев нас, он стал делать нам какие-то знаки, прикладывая палец к губам, хлопая себя по рту, требуя молчания и таинственно показывая куда-то в сторону. Мы спрыгнули к нему вниз.

– Он там, там, – шептал нам Федька фиолетовыми от черники и дрожащими от волнения губами. – Вон, за тем камнем... У него нога свихнулась. Я видел, как его сбили, побежал за ним, а он в меня как пухнет из «шмайсера» своего!... Думаете, не страшно? Я и спрятался тут. Потом хотел было вылезти, до подплаву добежать, – что ж, не до вечера сидеть сторожить, – а он опять как жახнет в меня!... Думаете, вру? Пуля так и чиркнула, аж камень брызнул... Я вижу, самолет летит, поиски делает, а мне встать фриц не дает, ну я и выложил расписку свою. Ползал-ползал, весь живот себе протер, колени продрал... Думаете, не больно? Так и собрал камни и выложил. Летчик сразу сверху мой почерк узнал. А фриц этот вон туда заполз.

Краснофлотцы кинулись к скале и вытащили из расщелины спрятавшегося там фашиста. Он сразу бросил свой автомат «шмайсер», увидев, что его окружили со всех сторон

моряки.

Случай этот сделал Федьку совсем знаменитым на базе. Иностранные моряки с недавно прибывшего каравана транспортов, гуляя по набережной, завидя Федьку, подходили к нему, трепали его по плечу, щупали его многочисленные нашивки и говорили, что Федька «оки-доки-бой», что значит «парень что надо».

Но вот кончилось короткое полярное лето, стали наползать туманы, солнце остывало, готовясь уйти на зимнюю спячку, и на подплаве однажды вечером в кают-компании зашел разговор о дальнейшей судьбе Федьки.

– Балбесу уже за восемь перевалило, пора бы ему буковки не только на торпедах писать, – сказал сурово Звездин. – В школу его надо отправить. Война войной, а ему расти, учиться время.

– Станный вопрос, разве я возражаю? – горячился Фальковский. – Надо так надо... Ясно, что мальчик должен учиться. Жалко, конечно, отпускать, – то есть это я говорю, мне жалко... Не знаю, как другим.

– Никто не говорит, что не жалко, – проговорил, вздохнув, Звездин. – Я уже своих девятнадцать месяцев не видал. Тоже жалко. – Он помолчал немного. – Учиться дети должны в спокойном месте. Я, по крайней мере, так считаю. Не знаю, как другие.

Посоветовались с Дусей, «опекуншей» Федьки, и решено было отправить его в тыл, в один из беломорских городов, где имелся интернат для детей моряков. Я не знаю, как удалось Фальковскому уговорить Федьку. Он и слышать сперва не хотел об отъезде, но, видно, уважение к герою взяло верх, и Федька согласился.

Двадцать шестого августа мы провожали Федьку. Полярная осень подарила Федьке один из своих лучших дней. Воздух был прозрачен так, что даже на большом расстоянии все виделось резко, отчетливо, словно высеченное из камня. Вода в бухте была зеркально спокойная, скалы розовые. Белые чайки вертелись над нами, и слабый ветер едва шевелил нарядные флаги Военно-Морского Флота – белые с синей полосой понизу и красными эмблемами – и пестрые сигналы Свода⁷ на кораблях.

Сколько всякой снеди наташили подводники Федьке на дорогу! Сколько банок со сгущенным молоком, консервов, шоколадных кубиков! Командир катера, на котором Федька «отправлялся в науку», уже заявил, что если товарищи командиры будут нести еще довольствие, то пускай они тогда закажут специальную баржу, а на катере он базара разводить не может.

Потом все прощались с Федькой. Он был хмур и казался похудевшим в новой просторной курточке, на которую перешили все знаки со старой.

– Ну, смотри ты у нас там, Федор, – напутствовал его Звездин. – Учиться так учиться, а иначе браться не стоит. Хоть ты теперь и отпрядыш, как у нас поморы говорят, отскочил от нашего берега, но породу свою соблюдай – помни, что ты Федор Толбеин с подплава.

– А, ей-богу, какие тут разговоры! – забормотал Фальковский, беря Федьку за обе щеки. – Поезжай, поезжай, Федька! Терпеть не могу этих расставаний – только настроение портишь себе... Ну, двигай, двигай, Федька, давай ходу! Вот тебе еще плиточка шоколада.

И Фальковский сунул в руку Федьке большую плитку.

На катере включили мотор, из-под кормы кругами пошла вода и пена. На мачте взлетели три флажка – позывные.

При выходе из гавани у сторожевого поста на высокой мачте подняли золотистый флаг «добро». Это был знак согласия, разрешение на выход из гавани.

Маленький буксир стал оттаскивать в сторону сети и боны заграждения. Буксирчик был похож на дворника, торжественно открывающего ворота для выезда хозяина со двора. Он оттащил заграждение в сторону, и катер, на котором стоял Федька Толбеин, питомец

⁷ *Свод сигналов* – условная азбука, на которой переговариваются корабли, поднимая на мачте разноцветные сигнальные флажки.

подплава, единственный и последний мальчишка во всей морской округе, ушел в открытое море.

Молча стояли на пирсе знаменитые подводники – Герои Советского Союза Звездин, Сухарьков, Фальковский. Долго стоял и я с ними, глядя вслед катеру, который уносил от нас нашего Федьку.

– Ничего не поделаешь, Федька должен учиться, – сказал Звездин.

– Что говорить... – отозвался Фальковский, встрепенувшись, но не отворачиваясь от моря. – Ясно, Федька должен учиться, а мы должны воевать. Все-таки я завтра на одной торпедой своей, как хотите, а напишу... Только как бы это потолковее выразить? «За будущее Федьки», что ли? Понимаешь? Или «во имя», что ли?... А, и так понятно! Просто напишу: «Чтоб Федьке было хорошо»... И пусть ему будет хорошо...

У выхода из гавани буксир поставил на место заграждение.

Катер давно уже скрылся за скалами мыса, с мачты у сторожевого пункта спустили флаг «добро», а мы все стояли на берегу и смотрели в море – моряки, мужчины, отцы, давно не видевшие своих детей.

...Однажды на базу подлодок прилетел Герой Советского Союза Павел Свистнев, тот самый, что помог нам отыскать и спасти Федьку, когда он потерялся в сопках, выслеживая немецкого парашютиста.

Гидросамолет, известный под именем «Каталина», сел в бухте, взрыл серую осеннюю воду, качнул крыльями, по очереди коснувшись поверхности моря левым и правым поплавками, похожими на огромные коньки, притих, потом снова взревел моторами и зарулил к берегу. День был ветреный, в бухте гуляла крупная волна.

Два катера помчались навстречу гидросамолету, зачалили его концами за крылья и торжественно, словно под руки, повели большую машину к набережной. Потом под летающую лодку подвели специальную тележку, натянули тросы, и гидросамолет вылез на сушу. С него капало. В хвосте круглого темно-зеленого тулова открылся люк, появились большие ноги в теплых мохнатых унтах, и Свистнев соскочил на землю. Его встречали подводники и летчики, с нетерпением ждавшие прибытия «Каталины». Гидросамолет должен был доставить запасные детали для истребителей.

Сейчас же приступили к разгрузке. Полчаса вытаскивали из огромной машины пропеллеры, округлые плоскости, части моторов, глянцевиные рули, элероны и ящики с надписями: «верх» и «низ», «обращаться с осторожностью». Потом из люка под хвостом показались маленькие барахтающиеся ноги, которые никак не могли достать до земли.

– Явление последнее, – сказал Свистнев, – те же и он.

В ту же минуту из люка выпал на землю мальчишка лет восьми, худенький, остроносый, безбровый, в сбившейся на лоб огромной пилотке.

– Федька, – воскликнул Фальковский, – честное слово, Федька! Как вам это нравится?

Свистнев, крайне довольный эффектом, который произвел его маленький пассажир, весело оглядывал нас:

– Видели, кого доставил вам?

– И видеть не хочу, – пробормотал Звездин и мрачно отвернулся.

Федька поднялся с земли, отряхнул пыль с колен, одернул рукава куртки с бесконечными нашивками минера, связиста, артиллериста, комендора, электрика, баталера, сигнальщика.

– Здравствуйте... Это я.

– Вижу, что ты, – проговорил Фальковский.

– Они меня с собой прихватили, – продолжал Федька, мотнув головой в сторону Свистнева. – Я попросился, они и взяли.

– Ах, Федя, Федя! – И Фальковский, отойдя в сторону, махнул рукой.

– А ты тоже хорош! – тихо проворчал Звездин, глядя на Свистнева. – На какого шута ты его приволок? Мы парня учиться определили, а ты...

– Какое там учиться... Ты погляди сам, прямо захирел малый, тоскует по морю. Он уже

два раза из интерната бегал, еле отыскивали его. А тут как раз я прилетел. Детали брал, запчасти. Ну и вижу, страдает мальчишка. Жалко мне его стало, да и вы тут, знаю, все соскучились по нему, по чертенку. Верно ведь?

– Ну-ну, нас хоть не жалеи, пожалуйста. Одного пожалел – и хватит. Что-то больно ты жалостливый стал!

Звездин сердито поглядел на Федьку, резко повернулся и зашагал к выходу из базы. Федька растерянно посматривал на нас: должно быть, он не ожидал такой встречи. Фальковский сжалился и подошел к нему.

– Ах ты, велика Федора! – сказал он. – Эх ты, царь Федор! И что мне с тобой делать, темно и непонятно... Ну, иди пока к Дусе, а там разберемся. Не было у бабы хлопот, так купила поросенка.

Все мы очень соскучились по Федьке. Часто по вечерам в кают-компании подплава командиры вспоминали нашего питомца: «Как там Федька наш двигает науку? Вот завтра уходим в море, надо бы ему к торпедке руку приложить...» Но сейчас неожиданное возвращение Федьки всех расстроило. Мы рассчитывали, что Федька приедет честь честью, как полагается, на каникулы и подводники будут хвастаться его школьными успехами, а он просто-напросто удрал.

На другой день Федька, как бывало, явился на базу, но его задержал у входа часовой.

– Стой, ты куда?

– На подплаве. Не видишь?

– Видеть-то ясно вижу, а пропуск у тебя есть?

– Дядя, вы же меня знаете! Я Федька. Я тут с подплаву... Вы что, не признали? Это же я.

Часовой посмотрел на Федьку, как будто видел его в первый раз:

– Что-то не признаю. Был тут, правда, у нас один мальчонка. Федей звали. Такой справный, дисциплину понимал, к службе морской уважение имел. Да того мальчонку в учение откомандировали. Того знаю, того и так пропущу, без документа. А тебя, который самовольничает, – такого в первый раз вижу у нас на подплаве.

Ошеломленный Федька отошел от ворот базы, походил немножко около моря, скучного, осеннего, потом снова вернулся к часовому.

– Дяденька, вы меня только пропустите. Меня Фальковский знает, и Звездин, все!

– Не было такого приказа пускать тебя.

На Федькино счастье, пришел Фальковский.

– Скажите – я с вами, – зашептал Федька своему любимому командиру.

– Ладно, – сказал Фальковский часовому, – пропустите. Со мной.

И Федька снова очутился на знакомом дворике подплава. Все здесь было как прежде. Краснофлотцы везли на тележках торпеды. Но когда Федька по старой привычке подошел к одному из снарядов, высокий краснофлотец, который обычно любил возить Федьку верхом на торпедке, сумрачно поглядел на него и прикрикнул:

– А ну, руки прими, не трожь торпеды!

– Я же только расписаться.

– Без твоей расписки дело обойдется, – сказал краснофлотец. – Ты сначала выучись, как писать, а то у тебя буквы на карачках ходят, над твоими буквами люди смеяться станут. Что это, мол, у них там за неграмотные на подплаве, корову с мягким знаком пишут? Ты бы вот сперва пограмотнее стал в школе, а потом бы уж расписывался. А пока что не приказано тебя к этому делу допускать. Тут война идет, серьезный разговор... А ну, ходи, не мешайся тут! Видишь, люди делом заняты. Чего стал?

А толстый механик, в эту минуту вылезший из люка крейсерской лодки Звездина, приснул в свой замасленный кулак и крикнул громко издали, так, что слышали все, кто был на базе:

– А, дезертир явился! Сам, своей персоной! Кто же это его сюда пустил?

Целый день околачивался без дела Федька на базе подплава. С ним никто не заговорил,

никто не предложил расписаться на торпедах, которые грузили на лодки, никто не остановил его, чтобы расспросить, как ему жилось в интернате, там, в беломорском городе. Его словно не замечали. Только иногда, когда он тихонько, с затаенной, еще жившей в нем надеждой приближался к трапам, переброшенным с пирса на подлодку, раздавался чей-нибудь голос:

– Эй, мальчик, отойди от края. Не болтайся тут!

Растерянный, несчастный бродил Федька по берегу подплава и заглядывал в окна кают-компаний. Но и там толстый кок подплава Милехин, обычно баловавший Федьку пончиками, неприветливо сказал:

– Ты бы, друг Федор, пошел куда-нибудь да делом занялся. А что здесь ходить-то без толку? Нечего тут проедаться! – Он внимательно осмотрел Федьку, вытер руки о передник и добавил: – Некрасивое твое положение, Федя! Сочувствую, но помочь не имею права. Дезертиров на довольство не берем.

Федька все ждал: может быть, хоть воздушная тревога будет, и он покажет опять, как ничего не боится. А вдруг, на счастье, еще парашютиста сбросят, и он опять его выследит, и все снова признают, что Федька герой. Но день был сумрачный, ветер рвал пену с тяжелых волн, на низком, хмуром небе не появлялось ни одного самолета. В бухте было пустынно: миноносцы ушли охранять большой караван судов. И в этом суровом осеннем дне никто не хотел уделить ни одной минуты Федьке, и не было беглецу места в строгом мире, занятом своими военными будничными делами.

Наконец он увидел, что из штаба вышел Фальковский. Он кинулся навстречу командиру:

– Исаак Аркадьевич, а чего они мне говорят, что я этот... как его... дезертир?

– А кто же ты еще? – спокойно отвечал Фальковский. – Конечно, дезертир.

– Это как – дезертир?

– А очень просто. Дезертир – это кто драпу дает с фронта, своих товарищей бросает, боится, ищет местечка, где бы полегче. Так и говорится: трус и дезертир. Именно.

– Так я же вовсе наоборот! Сам на войну приехал. Тут и бомбить могут, а я не боюсь ничего. Чего же они говорят – «дезертир, дезертир»...

– Как вам нравится, он еще рассуждает! Твое дело что – тут быть или в классе? Я тебя спрашиваю. В классе твое дело сидеть! Тебя Северный флот учиться послал, а ты отлыниваешь, ты убежал. Вот тебя наши правильно дезертиром и зовут. Скажешь, нет? Не правильно разве? А это ты, пожалуйста, мне не заливай – фронт здесь или не фронт. Мы здесь на фронте, а ты там свою вахту бросил.

– Мне там скучно. Я без вас не могу. Я уже привык. Я... эх, и соскучился... Я вовсе... – И Федька заплакал.

Никто никогда не видел, чтобы Федька плакал. А тут он так и залился. Фальковский долго и тщательно откашливался, поправил фуражку, походил вокруг Федьки, потом обхватил ладонью голову его и прижал к своему боку.

– Кха, гм, гм... Ну, довольно реветь, слушай! Реветь тут уж совершенно ни к чему. Соскучился?! Я, думаешь, не соскучился? И у меня, может, тоже на Урале сынишка вроде тебя... Странное дело, конечно, соскучился. А когда я в море – думаешь, не скучно мне иной раз? А терплю. Не прошусь на берег. Ну, довольно тебе сопеть, хватит! Ну, кому говорю!...

– Я... я не дезертир... Я хотел... к вам только...

– Нельзя, Федя, дорогой, учиться тебе надо. И вообще, пожалуйста, не расстраивай меня... Ах, Федя, Федя!...

Подошел Звездин.

– Ну что, договорились? – спросил он.

– Ясно, договорились! Кто это сказал, что Федька дезертир? Язык вырву тому, кто это скажет! Он просто немножко соскучился и нечаянно попал на самолет, и Свистнев его нечаянно захватил, а теперь он нечаянно заревел.

– Вот и хорошо! – пробасил Звездин. – А чтобы он нечаянно еще чего-нибудь не сделал, мы его сегодня ночью отправим обратно. Верно?

– Верно, – тихо отозвался Федька. – Это ты тоже нечаянно говоришь?

– Нет, по охотке.

– То-то. И письмо напишем директору школы: так, мол, и так, нечаянно захватили мальчишку... Идет, Федор?

– Идет...

– Ах ты, Федя, взял медведя, а обратно не вырвется! – сказал добродушно Звездин.

На рассвете мы опять проводили Федьку. На этот раз он уезжал уже без всяких торжественных проводов. Мы довезли его на катере до гидросамолета. Немного смущенный, Свистнев подхватил Федьку на руки и втащил в машину. И тут, не глядя друг на друга, Фальковский и Звездин стали незаметно совать Федьке в руки и украдкой засовывать в его карманы консервные банки, печенье, плитки шоколада.

– Нечаянно захватил, – виновато сказал Фальковский.

– Да и у меня тоже случайно оказалось, – усмехнулся Звездин.

Катер наш отошел в сторону. На «Каталине» взревели моторы, и огромный самолет, раскачиваясь, касаясь притихшей утренней воды поплавками – левым, правым, левым, правым, – как конькобежец, разбежался по зеркальной поверхности бухты и мягко пошел в небо.

Ну, вот и все. Так мы отправили снова Федьку в науку и сами, порядком опечаленные, вернулись на базу.

Через два месяца я получил в Мурманске письмо от Фальковского. Вот что он мне писал про Федю:

«Хочу сообщить тебе приятную новость про нашего Федьку. Свистнев прилетел сегодня и привез Федькино письмо. Понимаешь, он теперь уже знает столько букв, что может писать целые письма. Федька не подкачал, не осрамил наш подплав. Стал учиться на «отлично» и просит, чтобы его привезли к нам зимой на каникулы. Обязательно привезем. И сделаем елку ему. А сегодня я ухожу в поход. И на двух кормовых торпедах знаешь что я написал? «По русскому – «хорошо», по арифметике – «отлично». Это Федькины отметки. С такими отметками не промахнешься».